

АНДРЕЙ ДМИТРУК

БИТВА БОГОВ

Андрей Дмитрук

БИТВА БОГОВ

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дмитрук А.

БИТВА БОГОВ / А. Дмитрук — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Первая и вторая части дилогии называются соответственно: «Мы лишь пена морская...» и «Хроника тысячелетней войны». В первой части нас встречает ожившая глубочайшая древность с жестокой реальностью працивилизации; технические артефакты, созданные на уровне технологий XX века, всемирная катастрофа и гибель «островов Избранных», намного позднее названных Атлантидой. Действие части второй происходит в 1945 году, в фашистском «Третьем рейхе» и в загадочном мистическом Тибете. Именно туда, в заоблачную гималайскую высь, в легендарную страну Меру-Агартти, оккультный Чёрный Орден СС направляет своего посланца за смертельными знаниями для создания «Оружия возмездия».

© Дмитрук А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

КНИГА I	5
ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	8
ГЛАВА III	14
ГЛАВА IV	17
ГЛАВА V	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Дмитрук

БИТВА БОГОВ

Фантастический роман

КНИГА I

Мы словно пена морская...

Персы, и македоняне, и гордый Рим, охвативший весь мир своими железными когтями ... Спроси у истории, куда девалась их необъятная власть? А я тебе скажу, что и до них, за тысячи веков, были великие государства, более сильные, гордые и культурные ... Но жизнь, которая сильнее народов и древнее памятников, смела их со своего таинственного пути, не оставив от них ни следа, ни воспоминания.

Александр Куприн

ГЛАВА I

И воззрел Господь Бог на землю, и вот, она растлена: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.

Книга Бытия 6, 12

В саду своего дворца, под цветущими олеандрами, сидел на краю бассейна, свесив ноги в воду, поэт Нара. Теплый ветер, осыпавший воду темно розовыми лепестками, не мог пошевелить его седых волос, напояженных и тщательно распределенных по лысине. Голый, с толстой ноздреватой спиной и могучей складкой на затылке, Нара внимательно следил за плаванием крошечных розовых парусов. Время от времени, не глядя, протягивал левую руку – и краснокожая рабыня, приседая, подавала стакан с ледяным питьем. Справа юная мулатка (фаворитка, холёный шелковистый зверек), стоя на коленях, держала поднос с кофейником, виноградом и наркотиком.

Два рослых негра стояли, скрестив руки на груди, по сторонам бассейна: в их обязанности входило сыпать лепестки и волновать воду, если утихнет ветер. Части хозяйского белья и костюма были доверены двум белянкам с севера, ждавшим поодаль, сидя на корточках. Прямо же за спиной Нары красовался, перемигиваясь с рабынями, другой любимец, мальчик лет четырнадцати, порочно-красивый, подкрашенный: ювелирным веером отгонял он от господина мух, а вообще исполнял обязанности домашнего гонца.

Созерцая лепестки, Нара полностью отдавался легкой, рассеянной игре ума. Игра влекла его путаными тропами воспоминаний, расцвечивала дремлющее сознание внезапно вспыхивающими образами. Они гасли, и опять наступало причудливое дремотное блуждание, подобное погружению в сон. Вот уже седьмой день сидел он так над бассейном, поднимаясь только с вечерней прохладой; предыдущие вечера были заполнены диктовкой новой поэмы; нынешний, приближаясь, рождает тревогу, поскольку обещал быть пустым. Толстые прихотливые губы Нары, медленно разжавшись, прошептали лучшее из вчерашних восьмистиший. Стало холодно, словно исполнилась какая-то мера.

Распугивая грёзы, поднималась со дна души ясность, и это было так же больно, как бывает, когда не дают забыться после бессонной ночи. С раздражением отвел он глаза от розовых и золотых бликов.

В полной тишине шелестели облитые солнцем, буйно цветущие кусты, уютно перешёптывались над ним синие кроны пиний, и бронзовые статуи, точно ящерицы, выглядывали из кружевных папоротников.

Неслышно явился на другом краю бассейна стражник в кожаных шортах, с бляхой на голой груди, и доложил, преклонив колено, о прибытии высокородного Индры.

Грузный Нара вскочил с неожиданной лёгкостью, даже не прибегая к помощи рабов. Уже слышались на боковой дорожке быстрые, решительные шаги племянника. Поэт едва успел всунуть ноги в сандалии, набросить пушистое покрывало – пусть его стареющее тело не омрачает взор юноши.

Индра крепко обнял дядюшку, обдав горячим, юношески чистым дыханием и запахом драгоценных благовоний. Нара с наслаждением прижался к нежной щеке, затем слегка отстранив юношу, восхищенно осмотрел с головы до ног. Синеглазый, белозубый Индра, с крупным и горбатым, как положено Избранному, носом, с губами и щеками, крепкими, как яблоко, с плечами, чуть опущенными вперед от смущения их шириной и силой, затянутый в кожаную форму Гвардейской школы, стыдливо переминался на длинных мускулистых ногах.

– Какое счастье – видеть подобных тебе! – нараспев и немного в нос, как большинство интеллектуалов, заговорил Нара. – Скажи, сколько женщин уже перерезало себе вены из-за твоего легкомыслия?

Курсант усмехнулся чуть самодовольно.

– Сегодня ты вообще исключительно кстати. Мне не хватает вдохновения для новой поэмы; нужны какие-то новые, живые, сильные впечатления...

Обхватив Индру за плечи, хозяин повел его тенистыми полянами, где среди темной хвои громоздились замшелые глыбы камня и алели над петлявшим в траве ручьем душистые султаны огромных цветов. Негры отводили перед ними ветки, один из них вовремя лег в ручей, и спина его послужила мостиком. Стайка рабынь, крадучись, шла позади, а балованный мальчишка-гонимый носился кругами, сверкая тёмной кожей на солнце, подобно расшалившемуся молодому псу.

– О чем поэма? – спросил курсант, незаметно высвобождаясь из рук Нары.

– Единый! Разве ты спросил бы: «О чем пахнут цветы?» Мифология, героика, прославление невест или куртизанок, – всё это годится разве что для выступлений на стадионе... Тончайшие переливы настроений умирают в объятиях чётко взятой темы, сюжет иссушает поэзию! Нет, я не обвиняю тебя в недостатке утонченности: даже к столь одарённым людям, как ты, она приходит с годами...

Индра недоуменно дернул плечами; хозяин же, зная, как болезненно реагируют юноши на всякое упоминание об их возрасте, поспешил переменить тему:

– Что нового в школе? Доволен ли тобой генерал? Ах, как часто грущу я о своей военной молодости... Ты ведь знаешь, что я был в гвардии Ордена на Тысяче Островов?

– Ещё бы, мне мама сто раз рассказывала... – Спohватившись, что фраза прозвучала не слишком почтительно, Индра добавил: – Это честь для всего нашего рода, дядюшка! А в школе все с ума посходили: скоро выпуск! И – знаешь – кажется, на торжестве будет... – Юноша красноречиво показал глазами вверх. – Генерал не говорит прямо, а темнит, как положено: «Возможно, что школе выпадет божественный жребий...».

– Вы счастливы. Мне, видимо, так и не доведется услышать Его – на прошлом столетнем празднике я не был, а до следующего не доживу...

Индра не ответил. Курсанта порядком раздражало общество капризного, экзальтированного дядюшки – тем более, что приходилось подчиниться материнскому приказу и проявлять величайшую любезность. Он пошел быстрее, торопясь закончить визит.

Камни, сосны и папоротники отступили, открыв большой, весёлый солнечный луг с белыми шапками полевых лилий в низинах и мраморной ротондой на фоне леса. Лугом, вплот-

ную к опушке рощи, из которой только что вышли дядя с племянником, вилась дорога, выложенная плитами ракушечника. На дороге присела, подобно кузнечнику перед прыжком, изящная кремовая электромашина Индры с разнесенными на стебельках хрустальными глазами фар. Рядом ожидал раб. Узкоглазое мёртвое лицо его без шеи было посажено прямо на грудь, точно медный круглый щит. Корявые цепкие руки сдерживали на коротком ремне пляшущего зверя.

Неправдоподобно длинноногий, испещрённый, словно ожогами, ярко-чёрными мазками по жёлто-бархатной шкуре, беззвучно танцевал гепард. Увидев идущих, заворчал и прижал уши; чёрные глаза под выпуклым лбом были непроницаемы, лишены выражения, будто полированные самоцветы.

Нара схватил за локоть курсанта, слабея от восторга. Негры привычно поддержали его с боков.

– Матушка надеется развлечь тебя этим подарком, – небрежно сообщил курсант. – В придачу к нему раб, искусный служитель.

– Молчи, – прошептал Нара. – Неужели всё так просто? О, красота вечных категорий: молодость, жизнь, смерть... Стоит ли иссушать душу в бесплодном поиске, ради формальной новизны?

Выдержав с закрытыми глазами точную актерскую паузу, он совсем другим тоном обратился к Индре:

– Кажется, такие звери выведены специально для охоты и отменно быстроноги?

– Долго бежать не может, но вмиг догоняет мою машину на полном ходу.

Поэт ласково подозвал мальчика-гонца и, взяв за руку, не дал упасть на колени.

– Смотри, Индра: это тоже машина для бега, прекрасная живая машина, которая не уступит твоей, механической!

Апельсиново-рыжий, смуглый мальчик заворожённо раскрыл пухлые губы, любясь золотой змеей на каске курсанта. Индра – сам атлет и ценитель красоты тела – обвел взглядом знатока не по-детски широкую, литую грудь гонца, его втянутый живот, крепкие ноги.

Мальчик, польщённый вниманием, кокетливо отвернулся. Рукой в перчатке Индра потрепал его за ухом:

– Шея чуть хрупковата, дядюшка, но это будет и бегун, и борец...

– Мальчик, беги по дороге, – весь во власти новой идеи, торопливо заговорил Нара. – Беги так быстро, как можешь... как только выдержишь! И не смей оглядываться.

Гонец горделиво повел подрисованными глазами, набрал воздуха – и вдруг сорвался с места, полетел, дробно топоча босыми пятками.

Не отрывая глаз от бегущего, Нара скупым жестом указал на ошейник зверя. Бровь курсанта презрительно вздёрнулась. Натасканный гепард поплыл длинными низкими прыжками, затем вдруг сжался в комок и поскакал с невообразимой скоростью, точно ураганом несло по дороге куст перекасти-поля.

Мальчик нарушил приказ. Мальчик оглянулся, услышав зверя. И не успел даже испугаться.

Когда бесстрастный азиат оттащил гепарда, Нара, присев на корточки возле тела, пощупал перегрызенные шейные позвонки. Лицо его стало нежным, глаза увлажнились. Голосом, дрожащим от умиления, поэт сказал Индре:

– Ты подарил мне поэму!

– Я счастлив, дядюшка! – сказал курсант, считая, что любезностей на сегодня достаточно, коснулся края каски и ушел к машине. Замаранные кровью руки Нары избавили Индру от прощального объятия.

ГЛАВА II

Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу ... И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его...

Откровение святого Иоанна

После целого дня, проведённого на жаркой, грохочущей строительной площадке, Вирайе предстояло еще идти на званый вечер. Больше всего хотелось вымыться горячей цветочной водой и лечь спать – как он любил, не на постели, а на руках четырёх-пяти сильных рабов. Но Эанна обещал познакомить с какой-то сказочной приезжей красавицей, – и Вирайя, сцепив зубы, отправился в парильню. Как говаривал Эанна, это было единственное место, где раб мог безнаказанно намять бока господину. С болью в мышцах, с воспалённой кожей архитектор сиганул в ледяной бассейн. Потом его снова захватил в свои руки массажист и долго теребил, танцевал на спине Вирайи, втирал масла и ароматные спирты. Когда скрупулёзно выбритый и празднично причёсанный, с лакированными ногтями и слегка подкрашенным лицом Вирайя сажился в машину, двор был уже освещен по ночному.

Спустившись по бульвару, где горели белые шары под гигантскими абажурами платанов и буков, машина круто свернула на набережную. Вирайя, любитель скорости, велел водителю выйти в крайний ряд. Теперь по левую руку широкой дугой развернулось гранитное набережное шоссе. Нижние этажи ступенчатых дворцов были освещены уличными фонарями, в глубине колоннад сверкали высокие узкие окна, но квадратные вершины рисовались силуэтами на фоне сплошного зарева центра. Справа – ветер трепал взъерошенные перья пальм. За пальмами мерно дышало море. Сквозь могучие вздохи приборя слышались крики, смех, долетала оборванная музыкальная фраза. К морю выходили подземные галереи из центра – сплошные рестораны, роскошные термы и бордели для всех посвящённых. Там развлекались; веселье выплескивалось на площадки открытых кафе у самого приборя, на палубы сияющих в ночи плавучих «морских дворцов».

Он миновал участок шоссе, где копошились в лучах прожекторов сотни голых, блестящих от пота рабов и двигались, хищно урча, строительные машины. Это место пришлось объезжать по специально проложенным мосткам. Здесь совсем недавно часть одетого камнем берега сползла в океан, подточенная землетрясением. По счастью, никто из свободных граждан не пострадал. Хуже было три года назад, когда прибрежные районы столицы захлестнул вал цунами...

Наконец, машина нырнула в гулкий туннель, и над головой замелькали овальные матовые плафоны. Эта часть пути была тяжела, Вирайя почти задыхался в густых испарениях мяса и гниющих овощей. Под каменными арками открывались поперечные коридоры с рельсами и рядами ворот, окованных белой жстью. Пришлось постоять перед спущенным шлагбаумом, пропуская грузовой поезд. Стальные, глухо гроыхавшие вагоны были покрыты изморозью. В других коридорах составы стояли, гофрированные стенки вагонов были подняты и собраны, как шторы; толпы рабов выгружали ящики, несли над головами туши, катили бочки. Басисто гудели провода, орали надсмотрщики, поддерживая непрерывное оглушительное эхо. Мучная пыль садилась на указательные стрелы и светящиеся надписи, стояла туманом в слепом свете подземелья.

Здесь была изнанка столицы, горизонт централизованного распределения. Отсюда транспортёры разносили продукты по районным складам, куда приходили в известный день и час лица, имевшие благословение получать разрядный паек на семью, – как правило, старшие мужчины, сопровождаемые рабами-носильщиками.

По широкому винтовому пандусу, вокруг кирпичного круглого зернохранилища, машина Вирайи взобралась к верхнему горизонту города. У контрольного поста машину проводили взглядами часовые в голубых касках – Стража Внешнего Круга, к которому относился и сам Вирайя, адепт-строитель малого посвящения. Многоэтажный муравейник распределителя был накрыт круглой зелёной горой, уступами спадавшей к заливу; каждая терраса блестела кольцом канала. Радиальные проспекты многолучевой звездой расходились от вершины, увенчанной радужным ореолом Висячих Садов, столичного центра развлечений.

Машина неслась сквозь массу цветов, лиан и листьев, уютно подсвеченную огнями скрытых вилл. Вдруг по обочинам взмётывались, как волны, мраморные стены, – это проспект, опускаясь, прорубал край очередной кольцевой террасы.

Свернули на круговую дорогу. Рядом по каналу призраками двигались прогулочные лодки. Из глубины парка, покрывавшего гору, выплыл и развернулся празднично освещённый дом Эанны.

Вирайя порадовался обилию машин перед колоннадой входа – он любил являться после всех, в разгаре застолья, когда никого уже не надо ожидать.

Ужинали в главной комнате, под звёздным небом – потолок был снят. Гости привольно разлеглись на квадратном острове, в обрамлении замкнутого канала. Остров был уставлен низкими лакированными столиками с изящной посудой. Прозрачная вода, усыпанная лепестками, отражала тонкую аркаду, заменявшую стены. В глубине арок теплился красноватый полусвет: взгляд с трудом различал там белизну огромного букета, смутный блеск статуи... Все звуки сглаживались, сливаясь в единое приветливое журчание: струнная музыка и перезвон ложек, рокот разговора, смех и плеск воды, льющейся в канал.

Прислуживали похожие друг на друга белокурые северянки с исключительно нежной кожей, в высоких сандалиях и парчовых набедренных поясах, – хозяин умел подбирать рабов, пользуясь своим высоким рангом в системе распределения.

Вечера у Эанны, адепта-врачевателя среднего посвящения Внешнего Круга, намного уступали по роскоши и разгулу пиршествам в модных салонах куртизанок или художников; здесь не сходились любители кровавых развлечений. Сживала небольшая постоянная группа друзей, мужчин и женщин, ценивших красоту и задушевность.

Сам Эанна, полный, лысеющий, смуглый, с выпуклыми тёмно-кариими глазами под тяжёлым карнизом лба и бровей, громко сказал: «О!» – и поднял руку, не вставая.

Многие повторили его жест, зашумели, заулыбались, поворачиваясь к вошедшему. Две рабыни помогли Вирайе опуститься на подушки между хозяином и незнакомой женщиной – вероятно, той самой, приезжей. Врач не обманул: её внешность была, словно удар. Почти лишенное косметики, бледное впалое лицо с прозрачно-зелёными глазами до висков светилось, как фарфор, в раме вычурно уложенных, крупно вьющихся бронзовых волос. Сильное, царственно-рослое тело излучало странный неявный жар: женщина была слишком изысканной, чтобы опалать откровенно. Короткая узорная безрукавка со значком предварительного посвящения почти полностью оголяла грудь и живот, широкие белые брюки из плиссированной ткани раскинулись по ковру, как два лебединых крыла.

Одним уголком рта усмехнувшись восхищенному архитектору, она лениво положила руку на плечо Вирайи и коснулась его рта губами, пахнущими свежим сеном – сенной аромат входил в моду в Висячих Садах. Это было приветствие, не больше, – но двадцативосьмилетний адепт почувствовал, что волнуется непривычно и непозволительно. Эанна очень кстати вмешался, припечатав его руку своей тяжёлой мокрой ладонью:

– Вирайя истинный знаток – смотри, как много заметил он в одном твоём поцелуе, Аштор!

– Посвящённый Вирайя заметил мою любовь, – вяло уронила Аштор, опуская серебряные ресницы. – Если он знаток не только в теории, я рада буду увидеть его после ужина, – при согласии посвящённого Вирайи, конечно.

– Завидно! – крикнул один из гостей, жёлчный черноволосый скульптор Хассур. – При согласии, а? Каково лицемерие! Будто ты не видишь, что он цветёт, как мальчишка, ждущий лишения невинности!

– Вирайя сам талантлив и отлично чувствует чужой талант, – трезво объяснил Эанна.

– Не слушай их, мой бог, – все так же бесстрастно и вяло, по-модному проглатывая окончания слов, сказала Аштор. – Ты не талантлив, а гениален, и я люблю тебя давно. Я училась в Авалоне, в Академии Любви, выстроенной твоими руками. Твои колонны и зимние сады научили меня большему, чем все старые гетеры и отставные гимнасты. Когда живешь в таком доме, хочется быть совершенством. – Её холодные хризолитовые глаза истерически сузились – очевидно, она никогда в жизни не знала отказа своим желаниям. – Ты бог. Ты создал меня. Сегодня я принесу себя на твой алтарь.

– Может случиться наоборот, – еле вымолвил Вирайя, польщённый в тысячу раз больше, чем похвалами всей коллегии архитекторов. Ему вдруг нестерпимо захотелось рассказать этой женщине о заветном – о проекте чудо-города в старом альбоме...

– Ты ешь пока, бог, – рассудительно посоветовал Эанна, – а то потом Аштор останется недовольна тобой. Вот, между прочим, фазанье мясо, перемешанное с ветчиной под белым винным соусом. За рецептом ко мне приезжал повар иерофанта, наместника столицы...

Строго говоря, Вирайя был изрядно голоден, поскольку специально не пообедал дома, зная кулинарные склонности Эанны, – а потому смущённо улыбнулся гетере и приступил к еде. Врач сам налил ему любимого архитектором красного вина.

Жирный, одетый с безвкусной роскошью старик Ицлан – надзиратель пригородной зоны виноградников, адепт среднего посвящения, – прохрипел, оборачиваясь к Аштор, с бокалом в огромной, как подушка, лапе:

– К сожалению, дома, выстроенные посвящённым Вирайей, не на всех влияют положительно... Уж как хорош летний дворец моего соседа, Нары, а вот...

Судя по скорбной мимике старца, по тяжеловесному покачиванию головы, событие было печальным. Гости, ничего не спрашивая, разом бросили беспечную болтовню и возмущённо забормotalи, дивясь неслыханному злодейству. Чуткий Вирайя разом уловил в этом возмущении нечто показное – точно каждый боялся, что остальные заподозрят его в недостаточном рвении. Только Эанна молчал, набычив голову с тугими кудряшками вокруг лысины. Тогда архитектор стал оправдываться, устыдившись своей неосведомлённости:

– Я живу затворником, посвящённые; я, как вы, может быть, знаете, занят сейчас дворцом Коллегий Внешнего Круга (не утерпел – покосился, как реагирует Аштор)... так устаю, что даже сводку новостей не всегда читаю.

– Это не похвально! – ответил надзиратель виноградников. – Впрочем, вина твоя невелика, поскольку сообщение появилось только в нынешней сводке... Одним словом, мой сосед Нара был вчера убит собственной рабыней. Убит в летнем дворце... твоей постройки, посвящённый Вирайя!

Снова общий гневный ропот. Только Эанна сказал, преспокойно отправляя в рот кусок мяса, который он до сих пор тщательно поливал несколькими соусами:

– Ты так говоришь, Ицлан, как будто Вирайя соучастник. Видишь, он даже побледнел...

– Да ну тебя, – отмахнулся Вирайя. – Действительно, страшное дело; может, сто лет такого не было...

– Страшное, – серьёзно ответил Эанна. – А какова причина убийства, интересуешься?

– Интересуюсь, – не подумав, сказал Вирайя. Тут же старый Ицлан воздел глаза к потолку, отвернулся и плюнул.

– Да, причина! – твёрдо повторил Эанна. – Хотя ты, Ицлан, считаешь кощунством говорить о чём-либо, кроме самого факта убийства, я все-таки скажу тебе и всем вам, друзья мои: достойный Нара затравил сына этой рабыни гепардом!

– Ну и что? – спросил Ицлан. – Значит, виноват был!

– Да не был он ни в чем виноват! Для развлечения своего затравил... – Врач отёр пот со лба, нехорошо усмехнулся. – Нет, чтобы радоваться, что её отпрыск повеселил хозяина, – взяла и раскроила ему череп какой-то статуэткой!..

– Напрасно ты смеёшься, – угрюмо упорствовал Ицлан. – Некстати!

– Отчего же, смеяться всегда кстати...

– Эанна! – крикнул надзиратель, багровея и приподымаясь на локте. Врач тоже приподнялся и заорал так, что рабыни испуганно замерли – кто с подносом, кто с кувшином:

– Я не смеюсь только над правом матери мстить за сына! Мстить подлецу и садисту, Ицлан!

Вирайя, хорошо знавший врача, почувствовал, что разгорается один из тех скандально-острых споров, которые так пугают и манят в доме Эанны. Какая жалость, что у Вирайи нет ещё таких твёрдых убеждений, как у Эанны или его умных друзей-противников!..

– Назови меня недостойным имени Избранного (ты уже не раз это делал), но я считаю, что, поскольку раб может испытывать те же чувства, что и мы с тобой, надо уважать в нем человека!

Вот это опаснее всего. Эанна не признает авторитетов, глумится над общепризнанными взглядами... Сколько раз давал себе слово Вирайя не бывать здесь – и снова ехал в салон, навстречу греховной сладости вольных споров.

Насколько было известно Вирайе, «вольнодумию» врача положила начало некая юношеская любовь к столь же юной рабыне... а может быть, просто первая влюблённость, но столь необычайно светлая, такая, о которой до конца дней сладко щемит сердце. И что-то ужасное случилось с этой девчонкой... что-то, в чем вынужден принять участие сам Эанна. Он так и не женился, хотя был лаком до женщин. Потом, как говорил сам Эанна, идею человеческого равенства укрепила в нем работа медика. «Внутри-то у всех одинаково... что у последнего раба, что у иерофанта... особенно после смерти. Все болеют, все жалуются; все, если больно, на тебя по-собачьи смотрят: помоги! Какие уж там посвящения...»

... – Конечно, «коротконосые» лишены нашей утончённости, но зато чувства у них ярче и сильнее.

Ицлан побагровел так, что стало страшно за него, и не смог сказать больше ни слова. Вмешалась маленькая, подвижная женщина с обезьяньим личиком под сиреневой чёлкой – жена инспектора колониальных распределителей, ныне пребывавшего у Ледяного Пояса:

– Не знаю, сильнее ли у них чувства, – но за своего сына, спаси его Единый, я бы любому перегрызла горло! Но ты, Эанна, должен быть последовательным. Если уж рабы – такие же люди, как мы, то почему не отпустишь на волю своих?

– Я думал об этом, Танит. Это наивно. Во-первых, никто не включит их в систему распределения. Если не моими, то чьими-нибудь рабами они станут. Во-вторых... они все-таки не совсем такие, как мы. Слишком велика дистанция.

Подозвав жестом одну из северянок, Эанна заставил её сесть рядом и обнял за плечи. Ловкая, прекрасно сложенная, эта крепкая курносая девчонка не слишком проигрывала даже в обществе красавицы Аштор. Пушистые ресницы были в страхе опущены, но из-под них то и дело стреляла чистейшая голубизна.

– Вот, – сказал врач. – Смотрите, какое чудо! Она родилась там, где никто и не слышал о нашей стране. Зато каждый ребенок из её племени знает, что несколько раз в год прилетает громадный дракон и уносит самых здоровых парней и девушек. Она перепугана раз и навсегда. Я долго отучал её дрожать перед любым механизмом. Будь я проклят, – она удирала от

водослива в отхожем месте! Если я её отпущу, она заблудится на Парковой горе. Раб не может покинуть пределы Метрополии – но даже если я уговорю пилота «дракона» отвезти её домой, она не сумеет показать, куда надо лететь. А здесь ей совсем не плохо. Во всяком случае, как бы я ни напился, я не заставлю её драться на ножах с другой такой же девчонкой... и не буду ломать ей пальцы щипцами для орехов, как любят в Висячих Садах!

– Кто говорит о крайностях? – немного успокоившись, запыхтел Ицлан. – Пусть я не считаю раба человеком, но наслаждаться его муками я тоже не стану. Я даже животных никогда не мучил... Не думай, что я оправдываю покойника Нару. Но согласишься, что раб должен знать свое место, иначе завтра он подымет руку на Избранного по меньшему поводу, а послезавтра – из-за плохого настроения...

– Ты прав, – грустно сказал Эанна. – Такая уж система. И эту рабыню надо казнить... надо, ничего не поделаешь. Но я бы установил какую-нибудь ответственность и, для Избранных... хотя бы за чрезмерную жестокость! Караем же мы отца или мать, искалечивших свое дитя. А рабы – наши дети.

Он убрал руку с плеча скорчившейся девушки, и она неслышно ускользнула.

– Но почему же это так? – заговорил Хассур, блистая впалыми глазами и назидательно подняв костлявый палец. – Почему «коротконосые», существуя на свете столько же, сколько Избранные, не создали своей культуры, городов, машин? Разве это не говорит о врожденной неполноценности «коротконосых»? О том, что сам Единый установил неравенство рас, а значит, и рабство?

Из-под башенного лба Эанны словно выстрелы сверкнули; он окончательно сорвался и налетел на Хассура:

– У тебя достаточно высокое посвящение – читай хроники! Мы сами, сами делаем их неполноценными. Держим весь мир в невежестве и нищете – пусть плодится дешёвая рабочая сила! Ни одна машина не может быть вывезена за пределы Островов Избранных – кроме вооружения постов! Ни один раб, побывавший здесь! Священная необходимость? Нет! Страх обзавестись соперниками, вот что это!

Вирайя понял, что Эанна потерял контроль над собой и теперь наговорит такого, что не годилось бы слушать людям низших посвящений – например, Аштор. А ей хоть бы что – глаза горят вниманием и любопытством...

– Читай хроники, говорю тебе! – бушевал врач. – Знаешь, как возникали города и царства на великих реках, на Внутреннем Море, в Восточном океане? Воинственные, наивные, смелые... Где они теперь, а? Потомки уцелевших до сих пор бредят божьим гневом. Слышал про Сестру Смерти? А они её видели...

– Эанна, – предостерегающе шепнул Вирайя, погладив его плечо.

– Всё это логично, – увернулся Хассур, – но ты, кажется, сомневаешься в справедливости воли Единого? Согласно ли это с учением Ордена?

И наступила тишина, нарушаемая только плеском воды. Эанна, кажется, сам испугался своих резких слов, их неожиданно грозного звучания.

– Об этом ты поспоришь со священниками, – хрипло ответил врач, наливая себе объёмный кубок вина. И тут Аштор гениально разрядила напряжение, грациозно подобрав ноги и протянув руку в ожидании опоры. Вирайя вскочил пунцовый, со слезами на глазах и неистово бьющимся сердцем. Все высокие материи разом вынесло из сознания. Аштор балетным движением перемахнула канал, подала руку архитектору и таким взглядом обвела гостей, словно вполне отчетливо сказала: «Советую всем заняться тем же...».

Танит с сиреневыми волосами, поймав беззвучный сигнал, засмеялась и крикнула:

– Вот кто мудрее всех нас! Браво, Аштор, – мы просто болтуны! Эанна, нет ли среди твоих *полноценных* рабов... красивого молодого мулата?

– Поищем, – улыбнулся, принимая игру, хозяин дома. – Ты сама проверишь его полноценность!

Ицлан добродушно похихатывал; только Хассур мрачно блеснул глазами, отрывая виноградники от грозди на блюде и бросая их обратно.

...Он догнал Аштор в самой глубине аркады, где лишь две-три свечи роняли тусклый свет на расстеленную шкуру мамонта.

Гетера стояла перед зеркалом, сбросив безрукавку и разглядывая свои круглые молочные белые груди. Заслышав шаги Вирайи, не обернувшись, только сказала:

– Надо бы загореть... Я слишком много сплю днём.

И медленно расстегнула широкий ремень, шитый золотом и бисером.

Вирайя сел на шкуру, испытывая чувство неловкости: эта победа казалась ему непропорционально большой, не соответствовавшей его усилиям... усилиям, которых не было вовсе.

Высоко подымая точёные ноги, она высвободила их из упавших брюк. Затем прилегла рядом, не прижимаясь, давая себя осмотреть. Ногтями поиграла с нагрудным знаком Вирайи:

– О чем ты думаешь? Ты какой-то грустный.

– Ты могла бы мучить раба? – спросил он; от её ответа, как ни странно, что-то зависело в предстоящем любовном сближении. Аштор спокойно ответила:

– Не бойся, не могла бы. Я никого не могу мучить, даже если меня об этом просят.

– Прсят?

– Да, есть и такие.

Она придвинулась ближе, подтянула колено к животу и обхватила его руками.

– Может быть, ты недоволен, что я увела тебя из зала?

– Что ты!..

– Не знаю. Есть мужчины, которые любят всё делать на виду у гостей.

– Они неполноценные, – сказал Вирайя, и оба рассмеялись, припомнив сегодняшние разговоры.

Странно, – ему не хотелось бурных ласк. Эта женщина, такая царственно-прекрасная, вдруг показалась Вирайе нуждающейся в жалости и защите. Он нежно привлек её голову к себе на грудь. Она охотно пристроилась, вздохнула. Сказала:

– Вот ты какой, бог...

Он поднял голову, почуяв чье-то присутствие.

Под аркой, на берегу канала стоял и молча, внимательно смотрел на них человек, обтянутый чёрной кожей, с золотым крылатым диском на груди, в зеркальном шлеме. В левой руке у него был красно-белый полосатый жезл, на поясе висели плоский динамик с микрофоном и пистолетная кобура. Вестник Внутреннего Круга в полном облачении, торжественно-окаменелый.

Аштор, вскрикнув, отползла в угол и стала натягивать на себя край шкуры – только глаза блестели, как у загнанной кошки. Вирайя встал на ватных ногах, выпрямился.

– Именем священного Диска! Вирайя, сын Йимы, адепт малого посвящения Внешнего Круга?

– Я.

– Слава Единому, жизнь дающему, вечному.

– Слава Никем не рождённому, – ответили губы Вирайи.

– Посвящённый, следуй за мной.

Гости лежали, уткнувшись лицом в ковер. Валялись надкушенные фрукты, перевернутая посуда. Архитектор, проходя, подумал, как забавно торчит вверх зад Эанны, обтянутый домашним халатом.

ГЛАВА III

*Прекрасно умереть – позорно рабствовать.
Публилий Сир*

Тяжёлый, хмурый затылок. Затылок-груша, воспалённый, розовый, словно опухоль. Затылок, выразительный, как лицо – глубокая поперечная складка напоминает неумолимо сжатый рот.

Затылок выплывал из темноты, как мёртвое багровое солнце. И опять рука Сати хватала бронзового дельфина, и каждый палец чувствовал его объём и выпуклость. И край массивной подставки, словно в пирог с твёрдой коркой, проваливался в лысину.

Не было больше страха. А может быть, его вовсе не было? Убив, она стала сама, как мёртвая. Собрала в сумку свои нехитрые пожитки, надела обувь покрепче, закуталась в покрывало и ушла. Ни о чем не думая, никого не замечая, добралась по дороге до столицы. На КП её окликнули «голубые». Наверное, она производила впечатление помешанной – смеялась им в ответ, махала рукой. Пропустили с прибаутками, один даже сделал вид, что собирается залезть под юбку. Она побежала, солдаты хохотали.

Села отдохнуть в подвале пустого портового склада – и поняла, что дальше идти не сможет. Затылок приближался с неумолимостью поршня, седой и розовый, рождая нестерпимую тошноту. Она била его, проламывала корку пирога... зная, что сейчас опять появится багровый огонёк, вырастет, налетит, и все повторится сначала.

Ее трясла и корчила долгожданная рвота, когда со ступеней уставился слепой луч. Сати ползком попыталась выбраться из круга света, как из ловушки, но луч преследовал ее, пока не загнал в затхлый мокрый угол. Пожилой широколицый офицер в голубой каске присел на корточки рядом с ней и стал сипло, добродушно уговаривать.

– Ну, хватит, хватит... Это я понимаю, конечно, – шутка ли, убить Избранного! Хватит, кому говорю, Сати!..

Она немигающими глазами уставилась в лукавое морщинистое лицо со струйками пота из-под каски.

– Зверёк, ну, право слово, кролик! – умилялся офицер, обращаясь к напарнику, тому, что держал фонарь. – Просто не верится, что такая вот могла... Давай-ка посмотрим спинку, единственно для очистки совести.

Тренированный напарник миготнул покрывало, расстегнул пряжку на плече Сати, оголил и вплотную осветил татуировку. Офицер развел руками, вставая:

– Все правильно, голубушка. Владелец – Нара, сын Бхимы; дата и личный номер. Сами пойдем, красавица, или помочь?

Сати послушно встала.

Замыкая шествие, молодой долговязый напарник шумно поражался, хлопая себя по бедрам. Форма на нем сидела нелепо. Офицер посмеивался:

– Первый случай за двадцать лет, так что сделай дырочку в нагруднике, да края обмечи, чтобы не растрепались...

– Награждать не за что, – ворчал юнец, – велика доблесть воробья поймать, совестно!

Ничто не тревожило оцепенелого сознания Сати. Безропотно влезла в закрытую голубую машину, пропахшую табаком и блевотиной. Её стиснули с двух сторон плечами. С переднего сидения, отделённого решеткой, обернулся водитель и еще один стражник: смотрели, как на невиданного зверя.

Человеческое присутствие избавило Сати от налетающего затылка – осознав это, она благодарно прижалась к шершавому, с холодной металлической нашивкой плечу стражника. Кто-

то захихикал, другой сказал: «Больная, что ли»? Блаженно улыбаясь, любовалась она озаренной прожекторами жизнью порта. Что-то чуждое людям, подобное жизни грозowych туч, виделось ей и в растопыренных, как пауки, кранах на пирсе, и в величавом движении огней внутреннего рейда. Над скопищем мелких судов полыхала трескучая звезда дуговой сварки: два раба, стоя в дощатой люльке, латали корму сухогруза.

Яркий, весенний свет звезды поманил Сати, и она машинально потянула пальцы к стеклу. Молодой стражник, словно кот подвешенную бумажку, легко поймал её руку и скрутил кисть. Она забилась от боли, визжа и дёргая свободной рукой. Давешний розовый, седой поршень налетел и ударил, взорвался.

– Легче, всё-таки, мясник! – проворчал офицер, укладывая безжизненную голову Сати на спинку сидения. – Куда она от тебя денется?

– А, ладно, всё равно ей крышка, – беспечно ответил напарник, сжимая и разжимая кулак в перчатке.

...Она схватила бронзового дельфина и взмахнула им над желтой фарфоровой лысиной, но хозяин успел обернуться. Густо напудренное, ноздреватое, как гриб-трутовик, лицо Нары оскалилось мелкими гнилыми зубами и вдруг – укусило Сати выше локтя...

Рванувшись, она разлепила веки. Шприц был уже отнят, уколотое место протирали ваткой бритоголовый мужчина в стёганом жилете на голое тело. У него были медлительные слоновьи движения и глаза, словно подёрнутые паутиной.

Сати ещё не разбирала отдельных предметов в комнате: позолота, хрусталь и зеркала окутывали её блестящим туманом. Постепенно внимание сосредоточилось на человеке, сидевшем за столом напротив. Это был офицер Стражи Внешнего Круга, видимо, в очень высоких чинах, с раззолоченной грудью и бриллиантовым знаком посвящения на шейной цепи. Перед ним в свете настольной лампы лежало содержимое её сумки. Но офицер смотрел не на вещи и не на рабыню, а всё время вбок, на того, кто сидел в стороне от стола.

Человек, которого пожирал глазами высокопоставленный стражник, производил уютное и несколько забавное впечатление. Полный, русский, краснощекий бородач, он по-мальчишески обхватил ногами спинку стула и положил подбородок на сцеплённые пальцы рук. Увидев, что женщина пришла в себя, обрадованно поднял брови:

– О! Вот мы и очнулись! – пальцы его двигались в такт словам, постукивали по спинке стула. – Дайте-ка ей выпить для бодрости...

Офицер стражи почтительно усмехнулся. Бритоголовый подал на подносе стакан с мутно-коричневатой жидкостью.

– Не бойся, не отравя, выпей до дна!

Горьковатый, пахнувший весенними почками напиток оказался волшебным. Оцепенение, подавленность, остатки тошноты исчезли мгновенно; даже посиневшая рука как-то сразу сделалась гибкой и почти перестала болеть. Сати приободрилась. Если бы хотели убить, то убили бы сразу – по крайней мере, не старались бы привести в чувство. А может быть, хотят устроить публичную казнь? Но важный бородатый господин смотрит так участливо, весело. Какая у него странная, удивительная одежда! Черная рубашка, переливчатая, словно галочки перья, с широким блестящим поясом; на цепи из квадратных звеньев – золотой крылатый диск. Похоже на облачение храмового священника и вместе с тем – на военную форму.

– Совсем девочка... Неужели у тебя был такой взрослый сын?

Сочувствует! Слезы навернулись на глаза, впервые за два безумных дня. Забери меня отсюда, ну что тебе стоит, ведь ты сильнее всех этих страшных людей в голубой коже, я вижу, что сильнее!

Он встал и легонько взъерошил её огненно-рыжую голову. А когда заплаканное лицо робко поднялось к нему – сказал стражнику:

– Нет, какая чувствительность, генерал! Она мне определённо пригодится.

– Дело твоё, Священный, – ответил тот, кого называли генералом.

– Что ты умеешь делать, Сати? Сиди, сиди...

– Шить рубашки, господин, вышивать, готовить пищу, печь пироги, – радостно заторопилась она, решив, что бородатый хочет взять её в дом.

– И это всё?

(Ему мало? Спаси меня Единый, – не возьмёт!)

– Я не знаю, господин... Вообще, я сильная, могу работать в саду, как мужчина. Обучена любви лучше, чем молоденькие!

Он презрительно фыркнул:

– Нет, Сати, меня интересует другое. Умеешь ли ты делать что-нибудь особенное... то, чего никто не может?

Она только всхлипнула – и опустила глаза.

– А это – твоя работа? – нетерпеливо спросил он, резким жестом поднося на ладони филигранную серебряную серёжку с круглым глазком бирюзы.

– Моя, господин. Мне давали монеты, я их расплавляла и делала. Для жены управляющего, для дочери старшего надсмотрщика. Браслетики тоже делала, и колечки сетчатые, как носят в городе.

– Браслетики, – передразнил, расплываясь в улыбке, бородач. – Ах, ты, птица рыжая! – И бросил серёжку на стол, к другим вещам Сати. – Собирай свое гнездо, поехали.

– Священный доволен? – хмуро спросил генерал, вставая. У него были красивые седые волосы и смолисто-чёрные брови. На Сати он так ни разу и не посмотрел.

– Ага! – закивал бородач. – Это славно, что я к тебе зашёл, а? – Он ткнул пальцем генерала в живот. – Ну, не стоит на меня обижаться. Отправить ко мне – всё равно, что... В конце концов, формальности нетрудно соблюсти. Если вам так уж нужна жертва, мало ли рыжих! Устройте публичный спектакль и успокойтесь.

А Сати складывала свои вещи в сумку и недоумевала: почему пустая забава, умение плести побрякушки из серебряной нити показалась господину важнее всех прочих ее способностей?

...На следующий вечер стадион Висячих Садов был полон. Возле Стены Очищения сбилось не менее пятисот рабов – вся дворня убитого Нары: краснокожие, чёрные, жёлтые голые люди, облитые, как глазурью, обильным потом. Банщики, повара, садовники, горничные, механики бассейна, негры-носильщики, мальчишки-спинтрии. Все.

По обычаю, зрителям предоставлялась возможность убивать самостоятельно, как им было угодно. Одни стреляли или швыряли камни в толпу под Стеной, другие выволакивали отдельного раба или рабыню, гоняли по полю, тешились. Танит, жена инспектора распределителей, избрала старика – ночного сторожа и долго кромсала его маникюрными ножницами. Когда перебили всех рабов, радиорупоры объявили главный номер программы: стражники Внешнего Круга облили нефтью и подожгли посреди поля рыжеволосую женщину, убийцу своего хозяина.

ГЛАВА IV

Жрецы были средоточием, душой всей общественной жизни, они установили непреложные законы для временной и вечной жизни народа.
Георг Шустер

Вирайя выжал полную скорость, следуя за красными огнями передней машины; в затылок ему упирались лучи замыкающей. Машины Внутреннего Круга, приземистые, желтоглазые и бесшумные, походили на бегущих чёрных котов. Перед въездом на Храмовый Мост разошлись половины бронированных ворот, салютовали часовые в зеркальных касках. Глубоко внизу лежал край залива, отороченный грязной пеной. На дальнем конце моста громоздился Храм. Он вырастал в небе ступенчатой горой, скупо отмеченный несколькими огнями.

Большинство горожан, удостоенные лишь предварительного посвящения, необходимого для получения рабов и пайка в распределителе, вообще не могло появляться на этом мосту. Вирайя, адепт малого посвящения и член Коллегии архитекторов, проходил мост не чаще двух-трех раз в году за наставлениями главы Коллегии. Храм управлял столицей. В нем пребывал невидимый для глаз смертных иерофант, наместник великого города.

Ребёнком Вирайе посчастливилось попасть на Столетний праздник – когда столицу посетил Тот, Кого мог видеть только иерофант. Запомнились глубокие, как канавы, каннелюры на чудовищных стволах колонн; насыщенный благовониями дымный полумрак, спёртое дыхание толпы, зеленоватые блики гигантского диска на алтаре. Затем вспышка ослепительного света; отец, падающий на колени вместе с тысячами людей, отцовская рука, прикрывающая глаза Вирайи. Наконец, когда сердце готово разорваться, – первые, многократно усиленные слова божества...

Передняя машина заиграла хвостовыми огнями, приказывая тормозить. Надвинулись, как утесы, два пилона, словно гранитный портал раскрыл руки для объятий. Вирайя остановил машину, вылез, запер дверцу. Придется ли отпереть? Влажный океанский ветер вливался в устье каменных громад. Вестники хлопнули дверцами машин, встали по обе стороны, рослые, как деревья.

Подобно двери на хорошо смазанных петлях, повернулся в основании пилона блок размером с вагон. Архитектору отчаянно захотелось оглянуться на сверкающую набережную, до отказа заполнить лёгкие свежим солёным воздухом. Не посмел. Шагнул в темноту и пошёл, вытянув перед собой руки. Чуть вздрогнул пол под ногами, когда вернулся на место гранитный блок. Вздрогнув ещё сильнее, пол поехал в сторону.

Цветные пятна множились, дробились, плясали в глазах Вирайи: мозг не терпел полной темноты. Пол, с лязгом наткнувшись на что-то, нажал снизу так резко, что ноги согнулись в коленях, и помчался вверх. Долго ли поднимался Вирайя? Он не смог бы сказать. Но сознание уже отказывалось работать, а язык – молиться.

Раскрылось внезапно звёздное небо, и под свежим, ветреным его куполом предстала, словно паря среди светил, квадратная шахматная площадь, – красные и белые плиты, – окаймленная цепью алых огней. Пол-подъёмник стал одной из красных плит. Жезл вестника легонько толкнул Вирайю в спину, посылая вперед.

Площадь, венчавшая Храм, служила подножием «чёрной стреле», летательной машине, с телом поджарым и хищным, как у молодой акулы, с золотыми дисками на треугольных плавниках. Архитектора посадили в кабину, и Вестник за штурвалом, не оглядываясь, опустил стеклянный колпак.

Так вот оно что! Значит, его ждут не в столичном Храме?

Значит... Вирайя пустил в ход все остатки своей силы, чтобы не потерять сознание от нового, ужасного открытия.

Проснувшись, машина забормотала что-то угрожающее человеку, разбудившему её. Глухой рокот превратился в громовое рычание. Но человек не отставал, и «стрела», закатившись трескучим свистом, стала всё сильнее дрожать всеми сочленениями.

В неприметный, почти равный смерти миг шахматная площадь провалилась в темноту, грудь стиснул жёсткий обруч, и сверла вонзились в уши.

Выпуклым полированным щитом величаво наклонился океан, заваленный ватой туч у верхнего края, окаймленный белым огнём столицы – у нижнего. Ночь была светлой и холодной.

На севере, там, где тучи, лежал Чёрный Остров.

Рабы посвящения не имели, для них не работал распределитель.

Посвящённые Внешнего Круга, вплоть до адептов высшего посвящения (каковыми были главы профессиональных коллегий), пожизненно пользовались строго определёнными, отвечавшими их рангам яствами и домами, предметами роскоши и транспортными машинами. Внешний Круг, насчитывавший миллионы адептов, подчинялся немногочисленному Внутреннему, или Чёрному Ордену: Орден творил суд и расправу, владел энергией, флотом и ключами от распределителей. Это были адепты, знавшие все тайны Избранных.

Внутренний Круг подчинялся Чёрному Острову. Никто не знает ни единого человека, побывавшего на Острове, и никто не смеет даже в мыслях перенестись туда, потому что Внутренний Круг может прочесть мысль и покарать за нее.

Остров вершит судьбу Земли и всей Вселенной. Там – Ложа Бессмертных и обиталище земной ипостаси Единого, Диска, Никем не рождённого. Там изготавливаются машины, мирные и военные, ткущие полотно и пахущие землю. Оттуда взлетают «чёрные стрелы», бороздящие небо над всем миром, и выходят чёрные, украшенные крылатым диском, корабли. Кроме обитателей Острова, никто не смеет под страхом смерти построить машину или электростанцию.

Преступно даже самое лёгкое сомнение в целесообразности воли Круга. Поэтому Вирайю мучил теперь только один вопрос: окажется ли он достойным неслыханной чести, сможет ли всеми своими силами, самой жизнью стать полезным священному Ордену?

Его душа была выстроена, как у любого избранного. Страшным грехом, за которым неизбежно последует кара, казалась теперь вольная болтовня у Эанны; сам же врач виделся проклятым и обречённым, живущим на свете лишь по великому милосердию Круга.

Может быть, Священные ждут, чтобы грешник созрел и упал сам, как плод?..

Вися между небом и океаном, копался полуоглохший Вирайя в своей памяти, выуживая самые затаённые сомнения и поступки; каялся, готовил душу к неведомому подвигу. Словно ядовитого гада, топтал щемящую сладость Аштор....

Вдруг свёрла в ушах заработали злее прежнего. Затрепетав, машина разразилась надрывным сухим кашлем и рухнула вниз. Сердце застучало где-то в горле, кровь толчком затопила глаза.

Архитектор чуть было не вцепился в кожаные плечи летчика, но тут же перепугался еще больше, подумав, что, может быть, спасовал перед первым и легчайшим испытанием Круга. Выровнявшись, машина не переставала дрожать и скоро сорвалась ещё глубже, словно скакала по чудовищным ступеням.

Громадой белых разбухших башен, зыбью грязных сугробов и провалов навалилось облачное поле. Охватило, растекалось мокрым волокнистым туманом – и опрокинутые башни повисли над головой.

Внизу прибой, словно стая свирепых белогривых львов, врывается в теснины скал.

На миг открылся Вирайе огненный чертёж острова с двойным пунктиром улиц, тускло-багровыми полыхающими пятнами, стеклянным отблеском крыш. Ударил, ослепляя, прожек-

тор, за ним другой. Лучи двинулись, намертво держа машину в перекрестии. Лётчик что-то кричал, долетали отрывочные слова:

– Высота восемь... даю левый... скорость ветра?... приём...

...Раздетый донага, с металлическими браслетами на руках и ногах, висел на стальной стене Вирайя. Ни окон, ни дверей, ни предметов не было в зеркально блестящей камере, только масса бесконечно уменьшающихся отражений распятого.

Язык его опух, глотка стала сухой и жёсткой, словно кора, но он не чувствовал жажды. Изнуренное тело давно обвисло на магнитных браслетах, твердые края врезались в руки – он не ощущал ни усталости, ни боли.

В одеревенелом «Я» Вирайи бодрствовал один участок сознания: он ловил беспощадные, острые вопросы, врывающиеся извне, но обманчиво подобные собственным мыслям.

«Отвечай правду, только правду!»

Невообразимая боль, подобная ожогу, распарывает изнутри все тело, выгибает его дугой.

«Вот так ты будешь наказан за каждую ложь. Как ты представляешь себе Единого?»

– Его нельзя представить... Это разумное, творящее начало Вселенной, оно разлито во всём.

«А Священный Диск, а человеческая ипостась? Они что, вторичны по отношению к творческому началу?»

– Нет, не вторичны... Они воплощают различные свойства Единого. Диск – Солнце, источник всей живой жизни, а человеческое лицо воплощает организацию, власть разума над материей...

«Троякая ересь! Ты отрицаешь, что каждая из ипостасей несёт все, без исключения свойства Единого. Ты наделяешь человеческое начало организационной, то есть служебной ролью по отношению к творящему. Наконец, ты считаешь, что творения Единого нуждаются в организации!...»

Еще вопросы, ловушки, софизмы. Чужой саркастический смешок, жутко звучащий на фоне собственных мыслей. Отвлеченные, каверзные темы, глухие джунгли теологии, поединок с гениальным мастером провокационного допроса. Иногда вмешивается другой голос, подсказывает ответы. Нельзя повторять подсказки, за это – боль. Иногда кто-то начинает молить допрашивающего о пощаде – от имени самого Вирайи. Может быть, это действительно он сам? Трудно понять. Голоса сталкиваются под черепом.

Много раз его возвращали от бреда к ясности, и «основной» голос издевательски спрашивал:

«Так на чем мы остановились?»

Много раз, помимо его воли, вспыхивал бешеный гнев на мучителей. Мгновенно следовал особенно жестокий удар боли, и голос бесновался, страшными оскорблениями осыпал Вирайю, разгоняя благодетельный обморок; и тысячи отражений распятого корчились на стенах, делали непристойные жесты, плевали и мочились на него. Он чувствовал себя обгаженным; его веки слиплись, текло с волос.

«Убей меня!» – крикнул Вирайя. Свет погас. Срываясь со стены, он почувствовал удар морского вала. Холодная масса воды с грохотом подмяла его, завертела и понесла в глубину. Из последних сил отбившись от волны, прорвал он водяной пласт; но не успел даже рот раскрыть для вдоха, как закипел в глухой тьме высокий белый гребень. Удар. Крутая горечь хлынула в рот и в ноздри, обожгла горло, лёгкие. Полумертвый адепт, влекомый валом, с размаху плюхнулся... на низкую кушетку.

Мучительно извергнув воду из желудка, приподнялся на дрожащих руках. Расплывчатое пятно розового света сжалось и стало настольной лампой под шелковым абажуром. Кружок света лежал на полированном столе, прикрытом кружевной скатертью. Как много здесь розового – диван с высокой, уютно изогнутой спинкой, пухлые сиденья золочёных стульев,

цветы настенного вьюнка. Маленькое розовое отражение лампы в стекле книжного шкафа. Даже коричнево-седая шкура пещерного медведя, лежащая на полу, приобретает в таком окружении телесный, живой оттенок. Это Вирайя заметил ещё в детстве, когда перебирал длинную шерсть. Да, конечно, – как он сразу не узнал рабочую комнату покойницы-матери? Мать встает из глубокого кресла, худая, гладко причёсанная, строгая, в полосатой домашней накидке с широкими рукавами. Откладывает клубок с воткнутыми спицами. Сейчас ему попадет за то, что он залил пол водой...

– Прости меня, мама! – шепчет, съёжившись, Вирайя. Её горячие руки скользят по его плечам, легонько перебирают пальцами завитки волос на затылке. Внезапно сжав щеки архитектора, она насильно подымает его голову. На исхудалом, как в дни последней болезни, тёмном лице матери блуждает виноватая улыбка, ввалившиеся глаза смотрят нежно и жадно.

– Что ты, что ты, мама, это же я!..

Она прижимается высохшими, раскалёнными губами к его рту. Шепчет страстные слова. То, что она делает, нестерпимо для живого человека. Зажмурившись, Вирайя отшвыривает ее от себя.

...Смех. Дурашливый и звонкий, словно сотня серебряных бубенцов разлетелась по полу. В изножье кушетки сидит, накинув на голое тело материнскую полосатую накидку, хохочущая Аштор. Волосы, гладко стянутые к затылку и собранные скромным узлом, как у почтенной матери семейства, придают гетере извращенное бесовское очарование.

– Испугался меня, дурачок? За кого же ты меня принял?

Смеясь, она пластичным движением сбрасывает накидку и придвигается к Вирайе. Он порывисто обнимает Аштор, прячет голову на ее благоухающей груди.

– Стоило бы, стоило бы наказать тебя, дружок, – зачем ты оттолкнул меня, разве я такая страшная? Вот такая, да?

Давясь от смеха, она хмурит брови, морщит нос и рычит, оскалившись. Это выходит у неё столь забавно, что архитектор, забыв обо всех своих болях и страхах, веселится от души. Аштор рычит очень натурально, и на губах у неё выступает пена.

– Ну хватит, хватит, уморишь! Ну?! Да что с тобой?

Она становится белее меловой стены. Страшно горят глаза. Челюсти Аштор вытягиваются вперёд, уши отползают к затылку, и губы, вздёрнувшись, вдруг обнажают лезвия бурых клыков.

Короткий бросок тела. Схватив Вирайю за плечи, она вцепляется ему в горло...

...– Встань, Вирайя, сын Йимы, посвящённый Внутреннего Круга!

Он очнулся, словно, как в юности, спал под соснами на морском берегу, – бодрый, освежённый, слегка голодный, с радостным ощущением здорового отдохнувшего тела. Сквозь стеклянный потолок водопадом лилось солнце на светлый мрамор стен, на рожицу пальм и орхидей вокруг бассейна. Вирайя лежал за низким черно-лаковым столом, перед фруктами, сыром и графинами, оплетенными золотой сетью. Сотрапезниками оказались двое мужчин, одетых в иссиня-черные костюмы, переливчатые, как перья галки, с крылатыми дисками на груди. Такая же одежда, невесомая, не стесняющая движений, была на нем самом, только без диска.

Один из мужчин, полноватый, русский, румяный, белозубый, с круглой выхоленной бородой и озорными глазами, никак не мог удержать свои пальцы в покое: они, как самостоятельные живые существа, переставляли посуду, крошили хлеб, барабанили по краю стола. Другой, морщинистый и бритый брюнет с длинной прядью на лбу, степенно жевал передними зубами. Вилка и нож казались зубочистками в его костлявых длиннопалых ручищах.

Осознав смысл разбудивших его слов, Вирайя соскочил с ложа и вытянулся, ожидая новых испытаний. Но брюнет замычал на него с полным ртом и замахал, призывая лечь обратно. А русобородый, налив и пододвинув архитектору бокал, сказал беспечно:

– Вообще, ты отвыкай от стойки смиренно, брат Священный. Она тебе больше не понадобится. Пей, ешь, веселись, – кончились твои муки. И не смотри на нас, как «коротконосый» на телефон – мы настоящие, ни во что не превратимся. Меня зовут Трита, а вот его – Равана. Вечером тебя официально посвятим, навесим лепёшку на ворот...

– Ну, веселиться особенно нечего, – хмуро возразил Равана. – Тебя, брат, приняли в Круг по причинам, можно сказать, трагическим, и с великой спешкой. Мы с Тритой когда-то выдержали полный набор испытаний – многолетний, не чета твоим...

– Ладно тебе пугать, – закричал русобородый. – Видишь, парень и так едва живой! А ты чего ждешь, Священный? Мы ведь тоже пищу телесную потребляем, для поддержания брэнной оболочки.

– Сейчас, – почтительно ответил Вирайя. Чёрные одежды с дисками по привычке леденили душу, мешали соображать и действовать. Кроме того, трудно было перейти от двадцатидневного сидения в одиночной бетонной камере, от хаоса чувств и мыслей, вызванного страшными испытаниями последнего дня – к непринуждённому разговору, которого явно от него ждали. Не помогло даже чудодейственное средство, подарившее странную, лихорадочную бодрость.

– Так я... член Внутреннего Круга, Священные?

– Братя! – заорал Трита, хватив по столу кулаком так, что расплескалось налитое вино, а чопорный Равана сердито отвернулся. – Я тебя заставлю сожрать все эти сливы с косточками, если ты сейчас же не расцелуешь меня и не назовешь братом!

– Хорошо, брат! – робко улыбнулся архитектор.

Возликовав, Трита облапил его,дохнул винным запахом и вымазал лицо жирными губами. Освободившись, Вирайя снова спросил, стараясь говорить непринужденно и твердо:

– А что за причины такие... трагические... и почему вдруг спешка?

– Слушай, – сказал Равана, видимо, склонный к наставлениям. – Ты как думаешь, почему мы приняли тебя в Орден? За красивые глаза?

...Он думал об этом день за днём, чуть ли не целую луну подряд, сидя в пустой камере, лишённый звуков, видевший свет, лишь когда открывалось окошко в стене и пневмолифт подавал пищу. Он догадывался, что предстоит посвящение, и перебирал грехи за всю свою жизнь, свято веря, что кто-то слушает его мысли. Но не мог, даже против желания, не вспомнить всё то, что считал своими победами и заслугами. Как ни верти, выходило, что Орден мог заинтересоваться только его архитектурными работами.

– Точно, – сказал Равана, хотя Вирайя не раскрыл рта. – Ты угадал, парень, но, однако, подробности расскажу тебе не я... Орден нашел, что ты – лучший архитектор страны.

– А всё лучшее должно быть у нас! – подхватил Трита. – Ты думаешь, это уже обед? Ничего подобного. Это только лёгкая закуска. Обедать будешь у меня, поскольку мы празднуем твое посвящение. Встанешь из-за стола как раз к вечерней церемонии...

ГЛАВА V

Изучив в полную меру своих способностей Шастры, или науки, развитые учеными прошлого на благо человечества, я хочу рассказать о науке воздухоплавания, которая являет собой сущность Вед, и которая способна принести человечеству пользу и радость, а также помочь перемещаться в небе...

Махариши Бхарадваджа

Здесь голубые звезды всходили, не дожидаясь окончания заката, и по-хозяйски располагались среди оранжево-розовых, как перья фламинго, разбросанных веером облаков. Здесь был край непуганых фламинго. Мельтеша мириадами тонких ног, изгибая бесчисленные шеи, розовой каймой обнимали они озеро. Если приходила опасность, – огненная туча взмывала, оглушительно поливая землю пометом. Помет наслаивался и твердел столетиями, как коралловый риф. По весне подкрадывались из лесу маленькие большеухие лисички, ползли к свежесложенным яйцам. Часовые казнили воришек ударами кривого клюва.

Край был безнадежно дикий. За пальмами приозёрной равнины, за лиловыми малярийными лесами высоко висели призраки горных вершин. На закате коричневые малорослые люди выпрагали буйволов из деревянного ярма и вели к озеру, называя ласковыми словами. Фламинго не боялись ни людей, ни буйволов. Огромные быки часами лежали в воде среди птиц, и мелкая летучая братия пиновала у них на спине, добывая клещей, пока буйвол не перекатылся с грохотом на другой бок...

Коричневые люди, сухие, как кость, одетые лишь в свою кожу, царапали острым суком красную землю, сеяли ячмень. Хилые пузатые ребятишки с косичкой на бритой голове, заплетённой кольцом против злого духа, приносили воду им в корзинах, обмазанных глиной. После захода солнца садились на корточки возле землянок, крытых пальмовым листом, жевали известь, завернутую в листья, сплёвывали красной пеной. Женщины перекликались резкими павлиньими голосами. Оживляясь к ночи, лес начинал озорничать: то издавал глухой шум, то приносил далёкие леденящие вопли. В деревне до рассвета горели костры.

Удивительно: птицы издали отличают белых людей от коричневых и начинают тревожиться. Вот и сейчас – подозрительно смотрят, боком сбившись в кучу. Индре показалось это обидным, и он пугнул птиц, пустив в их сторону плоский камешек по воде. Камень запрыгал, оставив длинную цепь расходящихся кругов, фламинго шарахнулись. «Вот так», – самодовольно сказал Индра и начал раздеваться.

Озеро лежало зеркалом в тишине. Горели окна двухэтажного здания поста, и начисто лишенный слуха младший офицер Варуна начинал ежевечернюю борьбу с губной гармошкой. Индра прижал кобурой сброшенную одежду, сделал несколько вдохов и выдохов диафрагмой; тренированный живот, проваливаясь, чуть ли не прилипал к спине.

Качнувшись, раздробились горящие небесные перья. Прохладная вода зашипела пузырями вокруг горячего тела. Окунувшись с головой, он лег на спину, раскинув руки. Варуна четвёртый вечер подряд с нечеловеческим упорством подбирал мелодию модной песенки Висячих Садов. Единый! Не приснились ли Индре и Висячие Сады, и вечно сияющая столица, и вся его чудо-родина посреди тёплого океана, ухоженная и благоухающая, как один сплошной розарий? Всего одна луна; три десятка душных, изнурительных ночей; тридцать дней на дымящемся от солнца плацу или в дощатой радиорубке со священными текстами на стенах; тридцать пьяных вечеров в однообразном до тошноты, дико горланящем песни офицерском собрании. И вся предыдущая жизнь перечёркнута напрочь, даже сны «оттуда» снятся всё реже.

Прожитые дни он отмечал ножом на коре многоствольного баньяна. Собственно, двухгодичный испытательный срок перед вручением зеркальной каски только начинался, и лесенка

зарубок Индры выглядела убого рядом со стволом, изрезанным до верхушки предшественником-стажёром. Он сочувствовал служакам-армейцам, обреченным до старости торчать в первобытной глуши.

Сколько таких постов разбросала по свету Страна Избранных, вечно нуждающаяся в притоке свежей рабочей силы! Короткую перемену в рутинной жизни, желанную разминку приносит только приказ, принятый по радио. Его встречают радостными воплями и стрельбой. Воины Внешнего Круга нахлобучивают на похмельные головы каски со змеёй и весело отправляются в деревню. Постреливая в воздух, отбирают нужное количество молодых мужчин, девушек или детей. На завтра подходит к берегу черный транспорт или – если пост далеко от моря – садится воздушный грузовик, раскрывая ворота на хвосте. Корабли увозят пригнанных рабов, и опять – до нового приказа – в цветущих устьях рек, над морским мелководьем, среди ковыльных степей у края вечных льдов дремлют армейские посты Внешнего Круга. Иногда – в последние годы довольно часто – туземцы собирают войско и нападают на посты. Их давят транспортёры и танки, в упор косят пулемёты. Порою ловким и беспощадным дикарям удастся вырезать под покровом ночи воинское соединение, поджечь дом поста, забросить факел в бензобак одной из машин... Да, нелёгкие годы. Но даже если кругом спокойно, армия не отдыхает. Она занимается пересечением технической самодеятельности среди «коротконосых», то есть всех, кто не входит в священную расу. Это называется «восстановлением равновесия».

Рейды по «восстановлению равновесия», в отличие от вылазок за рабами, происходят по инициативе поста, а причиной чаще всего бывает сигнал деревенского осведомителя. При всем глубочайшем понимании Индрой задач и обязанностей Избранного, первый такой рейд произвел на него гнетущее впечатление – стажёр даже ночь спал хуже, чем обычно.

С начальником поста Рудрой и солдатом-фотографом они приехали на маленьком вездеходе в дальнюю деревушку. Солдат с нескольких точек заснял наивное деревянное сооружение – колесо с черпаками, набиравшими воду из озера. Снимки отсылались в штаб сектора. Изобретатель – благостный, весь какой-то выцветший старичок с реденькой бородкой и рёбрами наподобие стиральной тары всё время кланялся, сложив ладони у переносицы. Двое местных силачей, пожелтев от страха, лихорадочно крутили колесо. Вода с весёлым плеском рушилась в узкий канал, разделявший зеленое ячменное поле. Больше кругом ни души – крестьяне не смеют даже выглядывать из хижин...

Фотограф кивнул начальнику поста и отошёл в сторону, пряча аппарат в кожаный кофр. В то время как стажёр тщательно обливал колесо бензином из канистры, Рудра, сохраняя выражение снисходительной брезгливости, поднял пистолет и методически всадил две пули в кланяющегося старика. Подойдя, третьей пулей он пробил голову упавшего – такой выстрел назывался контрольным. Затем Рудра вернулся в вездеход – правил он самолично – и испытующе смотрел, как Индра щёлкает зажигалкой. Руки молодого человека дрожали, особенно когда он подносил пламя к колесу...

– Грубеешь тут, как последняя скотина, – брюзжал Рудра на обратном пути, заметив бледность и молчание стажёра. – Вот погоди, потянешь годик нашу лямку, притерпишься! Ещё и рад будешь размять ручки...

...Всё-таки, сознание собственных привилегий было самым большим утешением для Индры в лишенном комфорта, отупляющем быте. К нему, единственному на десятки постов адепту Внутреннего Круга, – если не считать прилетающих пилотов, – даже командующий сектором относился отечески. Свои завидовали по-доброму, грубо баловали Индру. В подвыпитии любили расспрашивать о гвардейской школе. Он стремился вести себя попроще, охотно и много рассказывая. При любых привилегиях, малейшая заносчивость обрекла бы Индру на публичное одиночество до конца срока. Опухшие от пьянства, бронзовокожие, истрёпанные

лихорадкой служаки теснились в спальне вокруг стажера, снова и снова смакуя подробности выпускной церемонии. Юноше не хватало слов, яркость воспоминаний ослепляла.

...Какая светлая, невиданная синева царила в тот день над столицей! Как славно блестя вымытые за ночь плиты улиц, наполненных ароматом цветочных гирлянд! По сторонам каменных проходов Священного Стадиона колыхались полотнища, сплетённые из живых роз. В пышной центральной арке, под колоннами алтаря, ветер чуть колебал углы белого атласного штандарта с пурпурным крылатым диском. Под стать цветам и знаменам, сплошной круглой стеной пестрели и шевелились пышные женские платья, яркие плащи мужчин; маленькими слепящими взрывами отмечало солнце чью-то диадему, пряжку на воротнике, эфес парадной сабли. Пустовали только два сектора по сторонам Алтаря, их отделяли от публики цепи зеркальных шлемов.

Там, наверху, в тесноте, в слитном гуле тысяч голосов, вспыхивает женский смех, заливаются голоса разносчиков фруктового сока со льдом. Здесь, на пустом красно-белом шахматном поле, в безмолвии стоят под солнцем чёткие квадраты выпускников Гвардейской Школы.

Левифланговый Индра, сын Аддада, мужественно терпит пот, текущий в глаза из-под каски. Все его мышцы скованы привычным, давно выработанным столбняком. Замерли также легкие движения души: с надменным оцепенением человеко-статуи сливается уверенность в том, что им любуются прекрасные зрительницы.

Но вот, словно пузырь из глубины стоячих вод, медленно всплывает басисто-звонкий удар. Испуганно замирают беспечные трибуны – зато по рядам выпускников прокатывается дрожь, вполголоса честит кого-то наставник, и товарищ справа нервно толкает Индру локтем. Курсант сдерживает дыхание долго-долго, пока не приходит второй удар. Кажется, что тяжелый, густой звук ползет сразу со всех сторон, а вернее – рождается, как сон, в его собственной голове...

...Третий гром прикатил скорее, четвёртый навалился вплотную на третий. Глуховато, чаще, громче. Сотрясалось поле, словно у самой земли появилось отчаянное, торопливое сердце, готовое задохнуться в предвестии... Чего? Гибели или головокружительного взлета?

Из высоких, как ущелья, проходов трепетно выступали, ставя одну ступню впереди другой, колонны чёрных священников. Они держали золотые знаки на шестах, увитых цветами. Пройдя с четырех сторон среди кожаностальных гвардейских квадратов, священники разом преклонили одно колено; закачались, блестя, змеи, кусающие свой хвост, диски, трёхглазые головы. На край шахматной пустыни вышел иерофант Внутреннего Круга в алом плаще до пят – наместник города. Воздел руки и лицо. Задёргалась седая борода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.